«Молодой благородный Лю, моя мать-консорт в порядке?» Зеленая юбка принцессы Дуаньян слегка касалась светло-серых кирпичей, изображавших цветки лотоса. Когда они ушли, она обдумала все возможные способы, чтобы прогнать тетушку-служанку, и все ради того, чтобы провести драгоценное время с Лю Фуи.

Она не осмеливалась смотреть прямо в глаза Лю Фуи. В темах, которые она намеренно пыталась поднять, звучала легкая неуверенность.

«Не волнуйтесь, ничего не случится.» Улыбка Лю Фуи была легкой. Он привык смотреть другим в глаза, когда говорил, и искренность в его глазах заставляла людей, которые их видели, с трудом отказывать ему.

Дуаньян бросила на него молниеносный взгляд краем глаза. Ее голос стал еще мягче: «Тогда хорошо…»

Они подошли к входу во дворец Фэнъян. Юная принцесса все еще хотела провести какое-то драгоценное время с любимым человеком, не желая оставлять его просто так. Однако ворота дворца неожиданно распахнулись изнутри. Дворцовая служанка, похожая на чиби куклу, выскочила и бросилась, как маленькая ласточка, которая еще не научилась летать в сторону Дуаньян: «Ваше Высочество!»

«Пейю?» Дуаньян, наконец, ясно увидела, кто это был, но в ее сердце было очень душно: «Что случилось?»

Пейю подняла руку Дуаньян с обеспокоенным лицом: «Ваше Высочество, вы только что пережили такой шок. На улице жарко, поторопитесь в тень». Затем она ослепительно улыбнулась Лю Фуи: «Извините, что доставили вам неудобства».

Лю Фуи стоял на расстоянии и один раз спокойно посмотрел на Пейю. Затем он тактично удалился. Однако на лице Дуаньян сразу же появилось разочарованное выражение: «Молодой благородный Лю…»

Лю Фуи обернулся, терпеливо ожидая ее слов.

«Я… вообще-то я…» Она замялась.

Дуаньян не понимала. Эти нормальные юные господа всегда жужжали вокруг нее, как мухи. Если бы она взглянула на кого-нибудь из них, он бы подумал, что она более благосклонна к нему. Она всегда ненавидела их с их высокими и могучими, уверенными в себе характерами. Но что касается этого человека перед ней, то, хотя она уже так явно сделала так много для него, он все еще, казалось, совсем не понимал.

Чем больше он вес себя как джентльмен, тем больше она беспокоилась. Хотя она знала, что это не лучшее время.

Лю Фуи нерешительно посмотрел в ее ярко-черные глаза. Медленно его лицо окутала несколько жалостливая улыбка: «Я понимаю.»

«Ты понимаешь, что хочет сказать эта принцесса?» Принцесса стояла на своем месте, не двигаясь, когда она ответила, одновременно сомневаясь и удивляясь такому исходу.

Лю Фуи кивнул и скользнул взглядом по встревоженной Пейю под карнизом. Затем он посоветовал ей: «Ваше Высочество, пожалуйста, войдите во дворец. Я боюсь, что вы получите

тепловой удар».

Разочарование медленно отразилось в ее глазах.

—----------

«Тао Ин сказал мне, что когда Богиня будет возвращена на свое законное место, судьба этой супруги начнет идти правильным путем».

Му Яо нахмурилась: «На законное место?»

«Да.» Вдовствующая супруга Чжао глубоко вздохнула. Морщинки по краям ее глаз, казалось, стали более заметными: «В то время Минмин было всего пять лет. Она ничего не знала. Эта супруга спросила его: как мы вернем Богиню на ее законное место?»

А затем выражение ее лица стало уродливым и неестественным. Ее губы скривились вниз, и выражение ее лица наполнилось страхом и негодованием: «Тао Ин сказал мне привести принцессу Дуаньян в храм Синшань на десятый день девятого месяца и призвать простолюдинов поклоняться Богине. После церемонии Богиня вернется на свое законное место. Это дело строжайшей секретности, и я не должна была никому об этом рассказывать».

Взгляд Му Яо стал еще холоднее, словно два лазерных луча прямо пронзили лоб вдовствующей супруги Чжао: «Наше Высочество присутствовало десятого числа девятого месяца?»

Вдовствующая супруга Чжао опустила голову, чтобы посмотреть на свою чашку. Она вошла в молчаливое состояние. Спустя долгое время она стиснула зубы, и вены на ее лбу вздулись: «Изначально в храме Синшань было три главных монаха, все из которых были доверенными помощниками этой супруги. В ту же ночь один из них вернулся и сообщил этой супруге, что в жилищах Тао Ина и его группы они обнаружили большое количество горючего и соломы».

Тишина повисла над просторным залом. Даже песня цикад, доносившаяся снаружи, казалась приглушенной.

«Ваше Высочество, вы пошли и допросили Тао Ина, обнаружив, что что-то в ситуации не так?»

«Я полностью доверяла Тао Ину. Я давала им хорошую еду и выпивку…» Вдовствующая супруга Чжао прикусила зубы. «Эта супруга спросила его, что именно влечет за собой «церемония», и он сказал этой супруге, что законное место Богини — быть сожженной на костре. Ее душа познает наслаждение, она вернется на небеса, достигнет нирваны и переродится».

Все трое слабо откинулись спинами на стулья. Теперь они могли видеть, что эти несколько человек на самом деле не были из тантрической секты, они были группой злых культистов самосжигателей, перебравшихся в храм императорской семьи.

Линг Мяомяо не могла не вставить слово: «"Она вернется на небеса только после того, как умрет", вы поверили ему, ваше высочество?»

Вдовствующая супруга Чжао крепко сжала свою чашку, и выражение ее лица погрузилось в сложное молчание.

«Я слышал, что у предыдущей императрицы был серьезный недуг. Всякий раз, когда погода становилась холодной, ее здоровье неуклонно ухудшалось». Голос Му Шэна эхом разнесся по

залу. Его черные ресницы скрыли эмоции в его глазах. Уголок его рта скривился: «Ее Высочество наполовину сомневалась, наполовину поверила. Только когда наступил решающий момент, она могла отчаянно попытаться удержаться на плаву. Верно?»

Эти его слова были сказаны особенно резко, так резко, что рука вдовствующей супруги Чжао, которая держала чашку, побелела от силы сжатия.

«Тао Ин пообещал этой супруге, что после того, как она будет поглощена огнем, только душа Богини вернется на свое законное место. С принцессой ничего не случится.» Казалось, она пыталась оправдаться, но увидела странные выражения лиц перед собой. Таким образом, она легко продолжила: «На десятый день девятого месяца эта супруга принесла Минмин на своих руках. Она ничего не понимала и постоянно суетилась в объятиях этой супруги… суетилась, потому что хотела поесть пирожные с османтусом…»

Му Яо глубоко вздохнула: «Матери и дочери связаны своими сердцами. Ваше Высочество, вы не смогли подвергнуть ее опасности…»

Безжалостные воинственные императоры много раз использовали своих дочерей ради выгоды. Однако, когда эта мысль пронеслась в голове матери, обдумав ее, она почувствовала бы, что мысль об использовании дочери ради своего блага давит на ее сердце, как гора. Каждый раз, когда ее дочь ласково звала ее «мама», гора становилась все тяжелее.

Вот почему в последние несколько лет вдовствующая супруга Чжао баловала принцессу Дуаньян всеми возможными способами. Это было не только из-за ее желания побаловать ее, но и из-за чувства вины.

Вдовствующая супруга Чжао насмешливо улыбнулась: «Не могла вынести…»

«Но ваше высочество также не желали терять надежду. Итак, вы придумали два совершенно идеальных метода.» Взгляд Му Яо сразу же стал холодным, как поток воды, мгновенно превращающийся в лед. Слова, вылетевшие из ее уст, становились все суровее с каждым последующим звуком. «Вот почему вы нашли девушку с таким же днем рождения, месяцем и возрастом, что и у принцессы, чтобы заменить принцессу Дуаньян. Она должна была стать подопытной для этого ритуала, чтобы вы могли увидеть, действительно ли она достигнет нирваны и переродится».

Вдовствующая супруга Чжао молча слушала ее речь. Ее изящно нанесенный макияж несколько потрескался. Ее лицо, в котором уже не было никакой молодости, было ясно отмечено недоброжелательностью и безмолвием.

«Ваше высочество, она достигла нирваны?»

В просторном и роскошном храме Синшань два Бодхисаттвы открыли путь. К алтарю была привязана юная девушка, одетая в самые роскошные одежды, с тяжелыми золотыми лентами.

«Богиня…»

«Богиня…»

Нарастающие и падающие голоса были подобны движению призраков, заставляя воздух звенеть от неистового жара и возбуждения, заставляющих людей дрожать.

В пустом пространстве над залом висела фреска, расписанная индиго и киноварью. Большой

десятилепестковый лотос парил высоко над их головами, наслаивая и пересекая друг с другом, красный, как кровь, и синий, как подземный мир.

Сияние языки пламени пронзили небо, и в одно мгновение жертвенный алтарь превратился в огненный шар. Резкие крики, казалось, резали кожу всех людей, как лезвия.

Она мгновенно очнулась от сна.

«А что ваше высочество делало потом?» Му Шэн двинулся вперед: «Увидев, что дела идут не очень хорошо, вы решили убежать, заставив их закрыть ворота зала…»

«Нет, нет… вы все не понимаете!» Вдовствующая супруга Чжао уставилась на лица Му Яо и ее брата. Взгляд ее был подобен изогнутому языку змеи, лихорадочно дергающемуся: «Это была не я! Это был Тао Ин, этот парень был просто сумасшедший! Он залил маслом весь храм Синшань! Он был просто… просто тем, кто хотел, чтобы все умерли вместе!»

Ситуация вышла из-под контроля вдовствующей супруги Чжао. В этот момент, от которого волосы становились дыбом, она вдруг обрела ясность, поняв, насколько абсурдна была эта афера. Однако, если другие люди узнают, насколько нелепым было возвращение Богини…

«Вы сказали, что Тао Ин хотел стать мучеником, сгоревшем в огне, тогда как насчет тех трех главных монахов? Когда вы приказали им запереть двери храма, вы подумали о них?» Ноты ярости становились все более очевидным в голосе Му Яо: «Там внутри были люди, которые не хотели умирать. Когда вы запирали двери, вы думали только о том, чтобы полностью замять это дело, вы не слышали, как люди бились в двери изнутри?»

Смерть была гораздо страшнее, чем можно себе представить. Перед лицом ужасной боли любое живое существо будет пытаться следовать своим врожденным инстинктам.

Кто не хотел бы жить? Кто был готов умереть?

К сожалению, было уже слишком поздно.

На лбу вдовствующей супруги Чжао выступил пот. Ее лицо стало смертельно белым, и появилась улыбка, полная изнеможения и горя.

«Новости дошли до предыдущего императора лишь поздно утром. Ему сказали, что Тао Ин и его группа были злыми монахами, и они самосожгли себя… огромный пожар бушевал весь день и всю ночь. Фасад храма еще существовал, но люди внутри уже давно превратились в сожженный пепел. Все люди, которые были участниками этого, стали пеплом. Никто не знал, что эта супруга была там десятого числа девятого месяца.»

В ее глазах мелькнула усмешка: «Нет, был еще один человек, который знал».

«Этот человек был близким кровным родственником этой супруги. Нынешний Сын Неба. До того как все это произошло, эта супруга была в замешательстве, и из-за страха, что я больше не смогу провести время со своими двумя детьми, я привела Минмин к ее брату. Я много с ним разговаривала, и, по всей видимости, там и раскрылась тайна». Она слегка скривила губы: «…поэтому все, должно быть, было сделано из возмездия».

Воспитанный императрицей, он рано повзрослел и стал молчаливым. Он мог догадаться о несосыковках в ее планах, но не разоблачил свою мать. Однако с тех пор в нем зародилась глубокая ненависть и отвращение к ней.

Недавно построенный императорской семьей храм Синшань сгорел. Сотни людей умерли мучительной смертью, спровоцировали злую ауру и это встревожило избалованную супругу: это было совершенно зловещее предзнаменование.

Предыдущий император баловал и благосклонно относился к Чжао Мин и поэтому отдал приказ запечатать старый храм. Он построил новый храм, точную копию старого, за пределами дворца и даже использовал жесткие методы, чтобы скрыть всю информацию о старом храме.

Прошло десять лет, и теперь люди знали только то, что храм в городе был храмом императорской семьи. Однако они не знали, что храм за чертой города был его изначальной формой.

«Это дела, связанные с живыми, как они могут считаться возмездием?» Лицо Му Шэна было совсем не таким, как у вдовствующей супруги Чжао, счастливым и светлым. Его голос был также очень легким, как будто он рассказывал сказку на ночь: «Мы посмотрим, захотят ли когда-нибудь призраки, которые умерли не по своей воле, отпустить ваше высочество и принцессу».

Вдовствующая супруга Чжао вдруг испуганно подняла голову: «Ты хочешь сказать… ты имеешь в виду, что…»

«Ваше Высочество, вы меня правильно поняли.» Му Шэн позволил чрезвычайно живой и великолепной улыбке расцвести на его лице: «На каждый долг есть должник. Как галлюциногены способны вызывать у принцессы кошмары каждую ночь? Та дворцовая служанка, должно быть, только что подверглась несправедливому наказанию.

«Ваше высочество.» Двери зала внезапно распахнулись, и появилось взволнованное лицо чиновницы, торопливо говорившей: «Прибыл Его Величество».

Прежде чем ее слова полностью достигли их ушей, ее тело оттолкнуло в сторону другое тело, одетое в черное придворное платье. Молодой Сын Неба принес с собой жару летнего сезона, когда он вкатился в зал, как будто сам был опасностью.

Чай на столе уже остыл. Лицо Сына Неба казалось высеченным из камня, вытесанным из мрамора. Пара его темных зрачков напоминала толстый мазок кисти, чернила поднимались вверх и струились с благородным видом.

Линг Мяомяо взглянула и, удивительно, что у Сына Неба перед ней были такие же глаза, как у Му Шэна.

Он не успел переодеться из своего придворного платья, так сильно спешил сюда. Малиновое заходящее солнце придало золотым линиям его придворного платья новый уровень яркости и красок. Он один раз мрачно оглядел зал и, совершенно не обращая внимания на посетителей сбоку, грубо сказал вдовствующей супруге Чжао: «Пэйюнь была послана во дворец Дуаньян этим императором. Мать-консорт, вы не разобрались в ситуации прежде чем схватить людей этого императора. Разве вы спросили мое мнение?»

Они не думали, что так быстро станут свидетелями противостояния матери и сына. Мысли вдовствующей супруги Чжао все еще не отошли от разговора, который у них состоялся совсем недавно. Она смотрела на него с бледным лицом.

Сын Неба не любил свою родную мать и был еще более равнодушен к делам богов и призраков.

Такие гордые астрологи столько лет зависели только от прогнозов погоды. Дворец взрастил столько заносчивых экзорцистов, но ни один не осмелился вспылить перед Сыном Неба.

В настоящий момент Му Шэн, Му Яо и Линг Мяомяо, естественно, считались частью группы экзорцистов. Под раздражённо-пронизывающим взглядом Сына Неба они почувствовали на своих спинах острие клинка.

Му Шэн встал, и оказался примерно такого же роста, как юный Сын Неба. Два красивых юноши стояли лицом к лицу. Губы Сына Неба были плотно сжаты, а улыбка черного лотоса не касалась его глаз.

Взгляды двоих на короткое время пересеклись, прежде чем холодно двинуться дальше. В этот момент почтенный Сын Неба слегка наморщил лоб.

Му Шэн уже наклонился, чтобы поздороваться. Его ресницы были опущены, и в его вежливой и скромной позе не было ни малейшей резкости: «Пожалуйста, извините меня».

—----------

~~~~~~~~~~

http://tl.rulate.ru/book/44922/3121992
~~~~~~~~~~